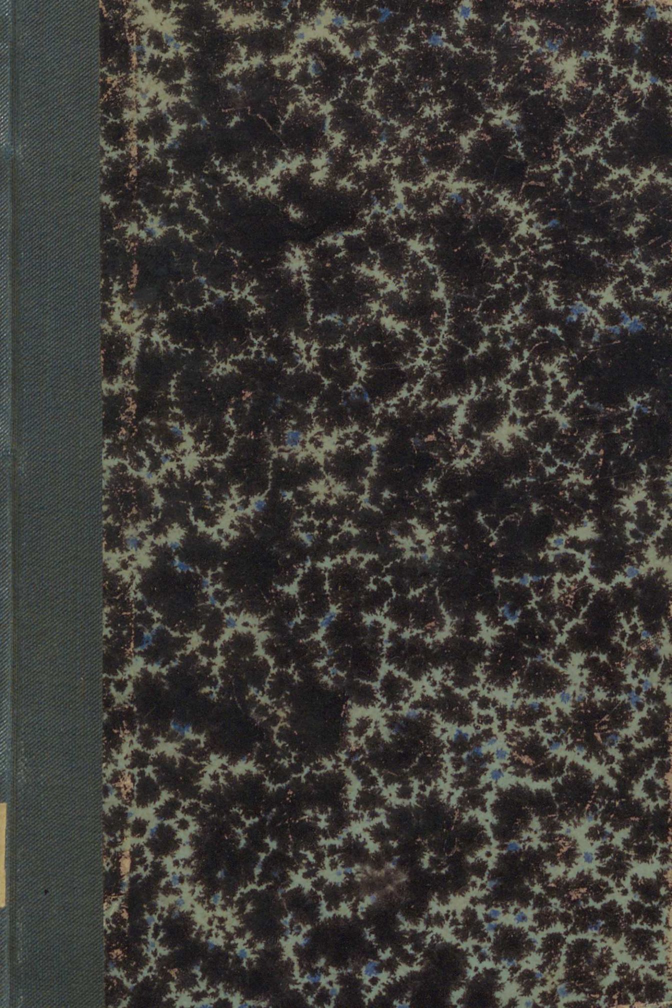
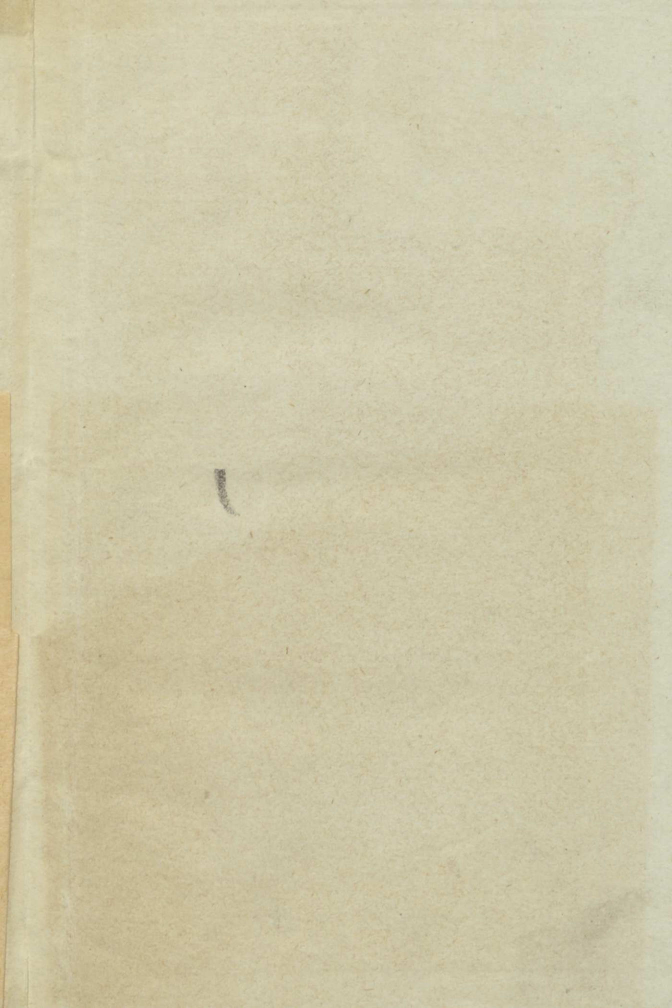
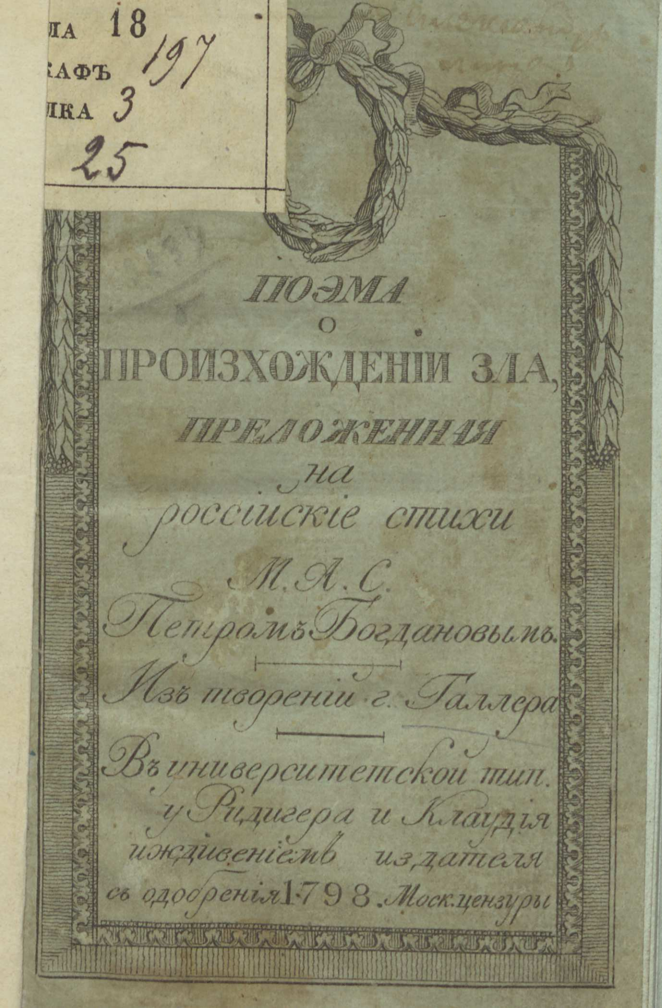

ПОЭМА
о
ПРОИЗХОЖДЕНІИ ЗЛА,
ПРЕЛОЖЕННАЯ
на
россійскіе стихи

М. А. С.
Петромъ Богдановымъ.

Изъ твореній г. Галлера

Въ университетской тип.
у Ридигера и Клаудія
иждивеніемъ издателя
съ одобренія 1798. Моск. цензуры

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ОБЕРЪ - КАМЕРГЕРУ

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику,

ИМПЕРАТОРСКИХЪ РОССІЙСКИХЪ ОРДЕНОВЪ,

Святаго Апостола Андрея Первозваннаго, Святаго Александра Невскаго и Польскаго Бѣлаго Орла

КАВАЛЕРУ

КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ ГОЛИЦЫНУ,

Милостивому Государю.

Не нужно много словъ — ви-
тійство оставляю,
И лести искренность всегда
предпочитаю;
Усердность требуетъ лишь
сердца, а не словъ —
ГОЛИЦЫНЪ! пріими мой
трудъ подъ свой покровъ;
Хоть онъ не совершенъ, но тре-
буетъ призрѣнья.
Прими незрѣлый плодъ, и
удостой воззрѣнья;

Онъ слабъ, и слабостью Твой умъ не усладитъ,
Но слабость онаго жаръ сердца наградитъ.

Во изъявленіе высокопочитанія

приноситъ

Всепокорнѣйшій слуга

Петръ Богдановъ.

Пѣснь первая.

Въ одинъ прекрасный день, какъ зефиры летали,
И съ нѣжностью цвѣтки и древеса лобзали,
Я вышелъ на холмы изъ хижины своей,
Гдѣ царствовалъ покой — гдѣ не было людей.
Я долго тутъ сидѣлъ — и вѣчно бъ не разстался
Съ высокимъ мѣстомъ симъ, и имъ всегда бъ прельщался! —
Изъ возвышеній сихъ источники текутъ,
И соединясь въ рѣку свои струи влекутъ.

Но далѣе страна прїятная встрѣ-
чалась,
И столь обширною очамъ моимъ ка-
залась,
Что я конецъ ея тамъ токмо обрѣ-
талъ,
Высокїй гдѣ Юрасъ ее прїосѣнялъ (*).
Холмы одѣяны зелеными лѣсами,
И украшалися тѣнистыми древами,
Чрезъ кои проницалъ видъ пламен-
ный полей,
И преломлялося сїянїе лучей.
Тамъ чистая рѣка, надутая вол-
нами,
Излучисто течетъ различными мѣ-
стами.
Сїя рѣка Ааръ — и въ сей-то сто-
ронѣ
Лежитъ Нихтляндская столица въ
тишинѣ;

(*) Весь оный видъ снятъ съ Природы.

Она покоится на буграхъ столь высокихъ,
Что и досель никто не достигалъ до оныхъ.
Вездѣ спокойствїе и миръ я нахожу,
Вездѣ обилїе, куда ни погляжу;
И даже въ хижинахъ соломой покровенныхъ,
Обросшихъ всюду мхомъ и пышности лишенныхъ,
Свобода царствуетъ со всею простотой,
И словомъ, все сїе являетъ рай земной.
Земля покрыта тамъ различными овцами;
Онѣ блеютъ на ней, и прыгая стадами,
Питаются вокругъ зеленой муравой —
Вкушаютъ и онѣ имъ свойственной покой;

Тамъ тучные волы, на мягкой злакъ
возлегши,
Жуютъ съ поспѣшностью трили-
ственникъ разцвѣтшій;
Здѣсь быстрый конь рѣзвясь не-
сется по полямъ,
Гдѣ прежде онъ влачилъ орало по
бороздамъ. —
Колико оный видъ меня увеселяетъ!
Се новой лѣсъ еще — мой взоръ его
срѣтаетъ.
Здѣсь мнѣ являются буковыя древа,
Внизу, близь ихъ корней растущая
трава.
Сіи древа сама Природа насадила;
А тамъ зеленость соснъ мохъ блѣд-
ный осѣнила.
Въ сей сѣнной мрачности дрожа-
щій виденъ свѣтъ,
Которой сквозь древесъ во оную
течетъ;

Здѣсь нощь зеленая почасту изчезаетъ,
И съ злапозарнымъ днемъ себя сочетаваетъ.
О сколь въ кустарникахъ прїятна тишина,
Гдѣ слышна нѣжныхъ птицъ гармонїя одна!
Съ какой прїятностью здѣсь эхо раздается,
Когда хвала Творцу отъ тварей всѣхъ поется,
Когда въ спокойствїи, въ обилїи утѣхъ
Пастушки раздаютъ плесканїе и смѣхъ!
Съ какимъ журчанїемъ ручей здѣсь протекаетъ,
И какъ извивисто онъ травку орошаетъ!
Какъ мчатся слабыя со камышковъ струйки,
И превращаются въ перловы пузырьки!

По оному пруду лучь огненный
сверькаетъ,
И въ безднѣ капель сихъ главу свою
скрываетъ.
Тамъ Веттергонъ, свое вызвысив-
ши чело,
Касался облаковъ, куда еще крыло
Быстропарящаго орла не достигало;
Его блестящее сїянье озаряло,
И величаяся сѣдою головой,
Всѣ горы постыждалъ своею высотой.
И далѣе, куда взоръ свой ни обра-
щаю,
Вездѣ величїе Творца я обрѣтаю;
Земля является въ моихъ тогда
очахъ
Неутвержденною ни на какихъ
столпахъ;
Плывущїя моря по высотамъ про-
странным ъ,
Сїяющи сребромъ и злашомъ чисто-
тканнымъ —

ТакЪ! все, что я ни зрю, суть Вышняго дѣла;
Его десница мïрЪ ко благу воззвала;
Блаженство общее Натуру оживляетЪ,
И всѣ дары Творца вЪ себѣ впечатлѣваетЪ.
О семЪ предметѣ я спокойно размышлялЪ,
И мракЪ уже тогда твердь не ба покрывалЪ,
Твердь изпещренную различными цвѣтами,
И украшённую блестящими звѣздами.
Уединенïе, спокойство, тишина —
Мать изобрѣтенïй, и вымысловЪ вина —
Сбирала мысли вЪ связь повсюду развлеченны,
И самой разумЪ мой, вЪ смятенïи стѣсненный,

Отбросивъ тысящи разсѣяній своихъ,
Извлекъ сіи слова изъ слабыхъ устъ моихъ:
И сей міръ мудрые темницей называютъ,
Гдѣ бѣдные глупцы въ мученіи стенаютъ!
На сей-то міръ Мандвиль (*) хуленіе несетъ,
Что въономъ нѣтъ добра, но зло одно живетъ!
Здѣсь-то дѣянія со злобой производятъ,
А въ сердцѣ чувственномъ страданіе находятъ! . . . .
Что ощущаю я? — Что чувствую? — Гдѣ я? . . .
Перерывается мой духъ — и грудь моя

(*) Издатель извѣстнаго сочиненія о пчелахъ, который пороки почиталъ столь же полезными, какъ и добродѣтели.

Отъ хладныхъ ужасовъ теперь
ослабѣваетъ;
Ѳеатръ мнѣ бѣдности являться
начинаетъ.
Я зрю міръ внутренній въ смяте-
ніи своемъ;
Мнѣ представляется подобье ада
въ немъ.
Ахъ! можно ль обитать небесному
тамъ царству,
Гдѣ троны зиждутся порокамъ и
коварству? —
Во ожиданіи себѣ благихъ наградъ,
Къ ужасной вѣчности, се! смер-
тные спѣшатъ!
Они покой себѣ, то скорби вобра-
жаютъ;
Мірскія сладости ихъ очи ослѣпля-
ютъ.
Во кратковременномъ теченьи жи-
зни сей,
Исполненной тоски, мученія, скор-
бей,

Вотще обманутый ихъ умъ, вотще
стремится
Къ добру — которое на небесахъ ро-
дится.
Подобно какъ пары, поднявшися
изъ блатъ,
Со истинныхъ путей грядущаго
вратятъ:
Такъ благо ложное, исполненно
мечтою,
И прикрашённое различной суетою,
Изъ меньшей горести въ грусть
большую влечетъ,
И къ нашей скорби злой погибель
придаетъ.
Здѣсь недовольнымъ всякъ себя
самъ почитая,
Изъ града одного въ другой градъ
прелетая
Съ тѣмъ, чтобы тамъ себѣ спо-
койствіе обрѣсть,
Вездѣ колеблется, вездѣ, гдѣ онъ
ни есть;

Но наконецъ нигдѣ его не обрѣтаетъ,
И скуку большую себѣ лишь тамъ срѣтаетъ.
Ахъ, бѣдный! тщетно ты рыскуешь по градамъ,
Ты вѣчно не найдешь желаемаго тамъ.
Мечтою жаждущихъ гонимый вожделѣній,
Ты ищешь въ бремени покоя, облегченій;
Спокойствїе твое зависитъ отъ тебя;
Такъ должноль онаго искати внѣ себя?
Вотще разсудокъ нашъ кормиломъ управляетъ,
Коль океанъ страстей надъ ладїей играетъ!
Кто можетъ день единъ изъ тысящи избрать,
Чтобъ огнь раскаянья чью грудь не могъ сжигать?

Подъ коею звѣздой щастливецъ томъ родился,
Которой бы нигдѣ отъ скорби не томился?
И наконецъ, кого найдешь ты въ мірѣ семъ,
Кой радости бъ вкушалъ въ нещастіи своемъ?
Какая польза въ томъ, что Богъ міръ украшаетъ,
Когда врагъ тайный насъ всѣхъ сладостей лишаетъ?
Унынїе, тоска намъ издали грозятъ;
Но мысли скучныя мучительный суть адъ.
Щастливѣе бы мы, стократъ щастливѣй были,
Коль грозныя бъ судьбы дни наши уменьшили;
И естьли бы съ концемъ сихъ скоротечныхъ дней
Скончалась наша жизнь — и муки вмѣстѣ съ ней! —

Но, ахъ! что Богъ, и что разсу-
докъ намъ вѣщаютъ?
Они — они еще насъ больше ужа-
саютъ:
Ничто не можетъ насъ отъ вѣ-
чности укрыть,
И самой гробъ ее не силенъ от-
вратить!
Духъ въ тѣло сосланный, духъ въ
тѣлѣ ослабѣвшій,
И въ ссылкѣ бѣдственно лѣта свои
проведшій,
Бываетъ лютыми ударами разимъ;
Отчаянія огнь его неугасимъ.
Безсмертіе ему всѣ ужасы являетъ,
И оное себѣ въ ядъ горькій превра-
щаетъ.
Онъ, будучи во враждѣ и съ Богомъ
и съ собой,
Терзается, дрожитъ, теряетъ
свой покой;

Онъ близкимъ будучи мученьемъ
угрожаемъ,
И отдаленнѣйшимъ злощастьемъ
ужасаемъ,
Весь ненавидитъ мїръ, на вѣкъ себя
клянетъ,
И къ смерти сей ему уже надежды
нѣтъ....
О бѣдны существа, къ мученїю со-
зданны!
О! естьлибъ никогда вы не были
воззванны
Изъ праха къ бытїю! О! естьлибъ
самый Богъ
Могуществомъ своимъ разторг-
нулъ свой залогъ!...
О! естьлибъ наконецъ луна сїя затт-
милась,
И вѣчность въ древнїй мракъ —
въ ничто преобратилась!...
Великїй Боже мой! Твой праведенъ
есть судъ;
Уста Твои на всѣхъ токъ мило-
стей лїютъ.

Ты въ тайной тишинѣ громами обладаешь,
И волею Своей мiрами управляешь;
Совѣтъ Твой истиненъ, великъ, непостижимъ;
Въ Тебѣ онъ кроется никѣмъ не разрѣшимъ.
Ты благъ, Ты милосердъ — сiе я токмо знаю,
И огнь любви Твоей во всемъ я обрѣтаю.
Мы въ солнцѣ и лунѣ щедроты зримъ Твои:
Они подобiемъ лiютъ лучи свои,
Лучи, которые на землю ниспускаютъ,
Лучи, которыми живятъ все, согрѣваютъ.
О Отче нашъ, Творецъ и присносущный Свѣтъ!
Въ Тебѣ нѣтъ мщенiя, и ненависти нѣтъ!

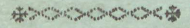

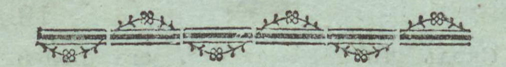
Тебѣ мученїя веселье не приносятъ;
Они не радости, лишь скорбь Тебѣ наносятъ.
Не гнѣвъ причиною сего творенья былъ,
Но благость, кою Ты на существа разлилъ.
Непостижимое Твое всѣмъ совершенство
Произвело Тебѣ неложное блаженство;
Не одному Себѣ доставилъ Ты его,
Но вмѣстѣ существамъ творенья Твоего.
Реки мнѣ, Господи! Ты мудрости исполненъ,
Почто жь избралъ сей мiръ, мученьемъ кой наполненъ,
Которой завсегда причастенъ есть грѣхамъ?
Не ужь ли разумъ Твой, дающїй свѣтъ умамъ,

Не обрѣталъ въ себѣ чертежей совершенныхъ,
Которы бъ не были противны щастью бѣдныхъ? . . .
Но, ахъ! гдѣ мысль моя? . . и гдѣ ея предѣлъ?
Богъ требуетъ отъ насъ не знанїя, но — дѣлъ.
Премудрость хоть Его умамъ и несовмѣстна;
Но воля всякому изъ человѣкъ извѣстна:
Велитъ Онъ убѣгать пороковъ намъ своихъ,
А не искать причинъ существованья ихъ.
Но развѣ зверскій умъ, духъ Божїй порицая,
И ложь въ сердца людей младыхъ посѣявая,
Самъ вдавшися въ порокъ, здѣсь долженъ заключать
Отъ мїра до Творца, и злымъ его считать?

Взыграетъ ли Манесъ надъ истиной и Богомъ?
И не поклонится ль предъ Вышняго чертогомъ?
Не возгорится ль въ насъ огнь ревности, хвалы,
Когда безумїе на Бога льетъ хулы?
Сильна ль единая тогда нѣмая вѣра,
Коль заблужденїе воюетъ безъ примѣра,
И остроумїе, свою разставивъ сѣть,
Старается по всѣмъ краямъ его простерть?
Иль страшныхъ громовъ мы и молнїй ожидаемъ,
Когда противустать ему мы не желаемъ? —
Нѣтъ! истины еще померкъ не столько лучь,
Чтобъ онъ не могъ сїять сквозь мрака, тьмы и тучь.

Сколь чистый блескъ его нашъ умъ ни ослабляетъ,
Но онъ блудящїе огни всѣ затмеваетъ,
И самое его затменїе сильнѣй
Великолѣпїемъ вотще блестящихъ лжей.
О! естьлибъ истина сїя мнѣ предводила,
И свѣтомъ огненнымъ мой разумъ озарила!
О! естьлибъ ею мой разсудокъ былъ влекомъ,
И естьлибъ правила она моимъ перомъ!
Да сильной гласъ ея, которой ощущаю,
Одушевитъ въ насъ то, что въ честь ей воспѣваю.

Пѣснь вторая.

Въ началѣ времяни, что Богъ
Самъ начинаетъ —
Которое течетъ, и ввѣкъ не из-
сякаетъ —
Великiй Богъ, прiявъ Премудрости
совѣтъ,
Благоволилъ создать прекраснѣй-
шiй сей свѣтъ.
Могущество Его и благость были
зримы,
Которы никогда ни кѣмъ не по-
стижимы.
Чертежъ мiровъ тогда предъ Го-
сподомъ лежалъ;
Онъ всѣ возможности къ творенiю
избралъ;

Премудрость наконецъ избрала совершенство,
И наилучшій міръ изъ всѣхъ былъ воззванъ въ дѣйство.
Ничтожество тогда пріяло бытіе,
Вдругъ время начало теченіе свое:
Исполненъ хаосъ сталъ различными вещами;
Земля покрылася цвѣтущими древами;
Открылося очамъ различіе плодовъ,
Поля украсились пріятностью цвѣтовъ;
Густѣйшіе пары въ эфирѣ тотчасъ сжались,
Блестящіе огни и свѣтъ на верьхъ поднялись,
Всѣ солнцы на своихъ поставились мѣстахъ,
Міры въ назначенныхъ вращаются кругахъ. —

Богъ на дѣла Свои стремительно взираетъ,
И удовольствїе Себѣ въ нихъ обрѣтаетъ —
Но не совсѣмъ еще . . . нѣмыя вещества
Не могутъ ощущать довольно Божества!
Они участїя во свѣтѣ не имѣютъ,
Себя и своего Творца не разумѣютъ;
Еще Богъ существо былъ долженъ сотворить,
Которому бы могъ Онъ Самъ Себя открыть:
Богъ дунулъ — и сїя Божественная Сила
Въ разумно существо жизнь, бытїе вложила.
И тако сотворилъ Творецъ духовный мїръ:
На разны степени духовъ Онъ раздѣлилъ;

Онъ каждому изъ нихъ особенны
далъ свойства,
И каждому открылъ пути искать
спокойства.
Онъ побужденія ко благу въ нихъ
вселилъ,
И совершенство имъ метой по-
становилъ,
Въ которой бы они съ свободою
стремились,
И наконецъ достичь до оной цѣли
тщились.
Но волей правила единая любовь,
Она единая возпламеняла кровь.
Къ развратамъ и тогда врата
отверзты были,
Но смертные еще не столько имъ
служили;
Нашъ разумъ власть даетъ пороку
и страстямъ,
И подлымъ ихъ рабомъ онъ дѣ-
лается самъ.

Мы завсегда добра, не зла себѣ
желаемъ,
Стремимся къ доброму, но злое
избираемъ.
Богъ принужденія не требуетъ
отъ насъ;
Но хощетъ, чтобы все внушалъ
намъ воли гласъ.
Сія свобода всѣхъ столь много воз-
вышаетъ,
Что самыхъ Ангеловъ не ниже по-
ставляетъ.
По принужденію что токмо мы
творимъ,
Богъ симъ гнушается — сіе ни-
что предъ Нимъ.
Тогда изящною бываетъ добродѣ-
тель,
Когда любовью къ ней горитъ ея
содѣтель.
Съ начала времяни Богъ вѣдалъ,
до чего
Свобода доведетъ твореніе Его.

Онъ зналъ, что тварь сїя удобно
ослѣпится,
И съ праваго пути на ложной со-
вратится;
Что тѣло для души пребудетъ
явный врагъ;
Что мїра прелести воздѣйствуютъ
въ умахъ.
Избранны въ Божїи друзья, мы
забываемъ
Всю цѣну вѣчности, куда путь
направляемъ;
Наружный блескъ въ очахъ рожда-
етъ слѣпоту,
И внутреннюю тѣмъ скрываетъ
наготу.
Стремительность страстей столь
умъ нашъ затмѣваетъ,
Что будущаго всю прїятность
уменьшаетъ.
Кто можетъ такъ собой всегда
разполагать,
Чтобы во всемъ одну средину на-
блюдать,

В

Предѣлы коея кто есть ли престу-
паетъ,
Тотъ добродѣтели законы нару-
шаетъ?
Ктобъ безъ погрѣшности понять
могъ связь вещей,
Исполненъ коими прекраснѣйшій
міръ сей?
Единъ Богъ вѣдаетъ связь своего
творенья:
И можно ль намъ судить о всемъ
безъ опасенья? —
Творецъ отъ высоты сіе пред-
усмотрѣлъ;
Онъ слабость нашего ума отъ вѣка
зрѣлъ;
Онъ зрѣлъ отъ вѣка, міръ сей
нѣкогда разтлится,
И зло въ немъ наконецъ — сіе зло
водворится,
Онъ видѣлъ все сіе, однакожъ міръ
создалъ,
И изъ ничтожества ко бытію воз-
звалъ.

Въ премудрости того ктожъ усумнится волѣ,
Угодно что Творцу — Его святѣйшей волѣ?
Богъ, — кой хотѣлъ Себя въ твореніи открыть,
И свойства въ немъ Свои въ зерцалѣ какъ явить —
Зналъ, естьли дѣйствовать все будетъ принужденно,
То долженъ быть сей міръ машиной неотмѣнно,
Которая сама не движется собой,
Но управляется художника рукой;
Когда бы не были ко злу отверсты двери,
И добродѣтели тогдабъ мы не имѣли.
Онъ давши способъ намъ хвалить и пѣть Себя,
Хотѣлъ, творилибъ мы сіе Его любя.

Но принужденіе — совсѣмъ Ему
не внятно;
Познаніе Его — вотъ что Ему
пріятно!
Онъ насъ благоволилъ той славой
увѣнчать,
Чтобъ добровольно мы могли къ
Нему пылать:
Необходимости ни чьей Онъ не
желаетъ:
Она свободныхъ дѣлъ различье на-
рушаетъ;
И будетъ ли къ Творцу дѣйстви-
тельна хвала,
Коль побужденіемъ Его изъ устъ
изшла?
Въ бездѣйствіи тогда сія пребу-
детъ благость,
И правосудіе, и мудрости, и свя-
тость,
Въ бездѣйствіи тогда и Божество
Его,
Коль будетъ все творить самъ
Богъ, мы — ничего.

Свободу потому всѣ Духи вос-
пріяли,
Дабы изъ оной ихъ дѣла происте-
кали.
А впрочемъ мудрая во всемъ рука Его
Кормиломъ правила творенья Сво-
его;
Его владычество, и сильное ве-
лѣніе
Могло остановить Природы всей
теченье.
Міръ тако сдѣлался Духами насе-
ленъ,
Чрезъ коихъ бытіе прославленъ и
почтенъ.
Наклонностей ко злу въ себѣ они
не зрѣли,
И къ благу лишь одно стремленіе
имѣли;
Клонилось все у нихъ къ единому
концу,
Чтобъ угодить во всемъ прему-
дрому Творцу.

Они всѣ свойственно имѣли совершенство;
И ощущать могли назначенно блаженство.
Единъ былъ большими дарами одаренъ,
Но и другой того, что нужно, не лишенъ.
Иные отъ всего земнаго свобожденны,
И къ Богу болѣе тѣмъ стали приближенны.
О вы, живущїе блаженно въ небесѣхъ,
Во всемъ сбылїи вамъ свойственныхъ утѣхъ!
Какъ можемъ васъ познать при слабости здѣсь нашей?
Сколь мало чувствуемъ слѣдовъ доброты вашей!
Поставленнымъ з мныхъ превыше всѣхъ существъ,
Вамъ мѣсто первое дано въ ряду веществъ,

Чрезъ пять орудій здѣсь познанья собираемъ;
Чрезъ нихъ мы истинну при мракѣ постигаемъ;
Какъ, можетъ быть, вы тамъ — при свѣтлости дневной,
Умъ наполняете чрезъ тысящу вратъ свой;
Быть можетъ, что въ васъ все, все ясно созерцаетъ,
Все благость Творческу и мудрость прославляетъ.
Вы можете о томъ познаніе имѣть,
Чего не въ силахъ мы постичь и окомъ зрѣть;
Тогда мы дневный свѣтъ, тогда лишь ощущаемъ,
Неповрежденный свой когда взоръ отверзаемъ;
Для васъ же нѣтъ ночей, густаго мрака, тьмы,
Что чувствовать должны здѣсь ежедневно мы.

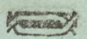
Посредствомъ зрѣнія вещей наружность знаемъ,
А свойство внутренно ихъ рѣдко постигаемъ;
Отъ васъ же скрыться тамъ не можетъ ничего;
Подробно знаете вы внутренность всего.
При слабомъ разумѣ, при множествѣ пристрастій,
Не можемъ мы имѣть пространнѣйшихъ понятій;
А иногда и такъ, что впечатлѣнье ихъ
Не сильно, и въ единъ изчезнуть можетъ мигъ;
Но въ васъ останутся понятій миллїоны,
И ихъ не изтребятъ и времени законы;
Вы можете всегда, когда угодно вамъ,
Дать впечатлѣнія живѣйшія умамъ.

Подобно какъ нашъ духъ, въ предѣлахъ заключенный,
И здѣсь тѣлесными оковами стѣсненный,
Не въ силахъ вдругъ въ себя двухъ мыслей помѣстить;
Онъ можетъ память тѣмъ свою отяготить:
Такъ вашъ отверстый умъ, я мыслю, столь обширенъ,
Что ко принятїю вещей премногихъ силенъ.
И такъ, чтожъ знанїе есть наше передъ симъ? —
Мнѣ мнится, это такъ — вотъ что лишь говоримъ!
Довольно, что ихъ мысль была такъ совершенна,
Довольно, что не къ злу, но къ благу преклоненна;
Влеченїе къ добру столь было сильно въ нихъ,
Сколь проницателенъ, сколь силенъ разумъ ихъ.

Какъ ко отцу они, ко Богу устремляясь,
Любовїю къ Нему, молитвой занимаясь,
Познанїя свои желали умножать,
Да могутъ тѣмъ его удобнѣй прославлять.

Далеко отстоитъ отъ Ангеловъ родъ смертныхъ,
Наслѣдниковъ небесъ, и частью вмѣстѣ тлѣнныхъ.
Сей родъ изъ вещества не равна сотворенъ;
Имѣетъ душу онъ, и тѣломъ облеченъ:
Та къ вѣчности себѣ назначенной стремится,
Сїе же нѣкогда изтлѣетъ — изтребится.
Онъ между Ангеломъ и чувственнымъ скотомъ
Есть нѣчто среднее въ жилищѣ семъ земномъ;

Родъ оный самаго себя переживаетъ,
Подверженъ смертному, и — вв́екъ
не умираетъ. —
Ахъ! преисполненъ былъ добра и
челов́екъ,
Когда еще во гр́ехъ себя онъ не во-
влекъ:
Тогда міръ ничего не зр́елъ кром́е
блаженства,
Кром́е спокойствія, добра и благо-
денства.
И въ насъ Богъ впечатл́елъ вели-
кій образъ Свой,
Начертанный Его всесильною рукой.
Онъ насъ опред́елилъ не токмо
надъ зв́ерями,
Но и надъ всемъ земнымъ влады-
ками — царями.
Два побужденія Онъ намъ въ сердца
вложилъ:
Чтобъ всякъ любилъ себя, и ближ-
няго любилъ,

Сїи двѣ должности для всякаго
суть сродны;
Доставить небеса и щастїе удобны.
Любовь къ самимъ себѣ источ-
никъ есть трудовъ;
Вкушаемъ ею мы прїятность тѣхъ
плодовъ,
Которые вещей познанье доста-
вляетъ.
Она въ насъ слабый духъ и мысли
возвышаетъ,
Мы научаемся честь ею познавать,
И ею можемъ тотъ огнь въ сердцѣ
воспалять,
Которымъ храбрые Ирои всѣ пы-
лаютъ;
Которымъ и себя и ближнихъ за-
щищаютъ.
Она отторгшихся отъ лѣпоты
мїрской
Къ блаженному концу ведетъ сте-
зей крутой,

Гдѣ бремя предлежитъ, гдѣ тернья
возрастаютъ,
И добродѣтели пути тѣмъ затруд-
няютъ.
Она, она всегда надъ благомъ на-
шимъ бдитъ,
Изъ горестей, скорбей веселїе тво-
ритъ;
Она съ собою насъ самими прими-
ряетъ,
Бодритъ лѣниваго, и сонныхъ
воскрешаетъ.
Ея влеченїемъ и силою ея
Хранимъ потребности для жизни
своея.
Отъ дерзновеннаго она отъемлетъ
ярость,
Возставитъ робкаго и буйна сло-
митъ наглость;
Творитъ драгою жизнь въ страда-
ющихъ очахъ,
И ищетъ врачевства отъ глада и
въ степяхъ;

Она нагихЪ отЪ стадЪ волною по-
покрываетЪ;
Для помощи вЪ пути моря намЪ
полагаетЪ;
Познали ею мы источникЪ тотЪ
огня,
Кой изсѣкается изЪ стали и кремня;
Мы помощью ея руду вЪ землѣ
познали,
И нужный для себя металлЪ тамЪ
ископали;
Она содѣлала художниковЪ, врачей,
И травы обрѣла тѣлесныхЪ для
скорбей;
Она проникла вЪ связь натуры —
вЪ сокровенность,
И вЪ насЪ кЪ познанїю вещей вдох-
нула ревность. —
Почто же ревность та, и сей ду-
шевный свѣтЪ
Ко злополучїю толь часто насЪ
влечетЪ!

Любовь ко ближнему гораздо есть важнѣе;
Чѣмъ больше пламени, тѣмъ оная святѣе:
Самъ Богъ — самъ Богъ ее съ небесъ къ намъ ниспослалъ,
И перстомъ огненнымъ на сердцѣ начерталъ.
Благотворить другимъ, быть жертвой нашимъ ближнимъ —
Вотъ знакъ, что созданы мы всѣ Творцемъ всевышнимъ!
Любовь — священная любовь есть цѣпь сердецъ;
Другъ съ другомъ съединить — сей есть ея конецъ.
Она въ сообщество пріятность водворяетъ,
И скуку мрачную въ веселье претворяетъ;
Она изъ дикихъ мѣстъ насъ въ грады созвала,
И тѣмъ къ спокойствію пути изобрѣла.

Она терпящихъ гладъ, гонимыхъ стону внемлетъ,
И съ радостiю ихъ въ объятiя прiемлетъ;
Воззрѣвъ на страждущихъ, сама сострождетъ имъ,
И вопль спѣшитъ унять усердiемъ своимъ;
А наконецъ Она довольство производитъ —
Которое одна чувствительность находитъ —
Когда подобныхъ мы самимъ себѣ людей
Благополучными творимъ рукой своей.
Отъ оной дружество — сiя сердецъ отрада,
И добродѣтели единая награда —
Отъ оной дружество и миръ произошелъ,
Которое Творецъ для нашихъ нуждъ обрѣлъ,

Чтобъ въ горести оно, чтобъ въ
скорби утѣшало,
И животворный свѣтъ на смер-
тныхъ разливало.
Она связуетъ въ мигъ одну съ
другой душой;
Сїи блаженствуютъ, вкушая рай
земной.
Она насъ къ дѣтищамъ столь силь-
но привлекаетъ,
Что самые труды въ довольство
превращаетъ,
Которыхъ требуютъ ихъ слабо-
сти отъ насъ;
Она есть истинный и громкїй кро-
ви гласъ,
Для пользъ невинныхъ сихъ мла-
денцевъ вопїющїй,
И нашу внутренность къ движе-
нїю зовущїй.
Ея чистѣйшїй огнь восходитъ къ
небесамъ,
Доходитъ до Творца — не гаснетъ
даже тамъ.

Она къ достойному любви всегда стремится,
И можетъ благомъ лишь всевышнимъ насладиться.
Еще попекся Богъ для слабыхъ чадъ своихъ:
Такое чувствїе въ насъ кроется самихъ,
Которое всегда отъ злаго уклоняетъ,
И легкимъ образомъ насъ втайнѣ уязвляетъ;
Могущественъ его коль скоро презримъ гласъ,
Тотчасъ въ отмщенїе — болѣзнь ощутимъ въ насъ.
Въ семъ нѣжномъ зданїи пузыриковъ малѣйшихъ;
Для подкрѣпленїя силъ внутренних нужнѣйшихъ,
Излишность слабуюбъ въ насъ прерывала нить,
И тѣмъ моглибъ себя ко гробу приводить.

Но въ мягкомъ мозгѣ жилъ сухихъ
и утонченныхъ,
Отъ ока нашего препонкой покро-
венныхъ,
Дана чувствительность Правите-
лемъ небесъ,
Которая хотя и есть источникъ
слезъ,
Но купно оная и жизнь предохра-
няетъ,
Противиться тому врагу насъ по-
буждаетъ,
Которой всячески насъ тщится
измождить,
И мнитъ въ нещастїе, въ поги-
бель погрузить;
Она отъ хладности въ насъ нервы
защищаетъ,
Всѣ остроты соковъ приливомъ раз-
рываетъ;
Она текущу кровь въ составѣ брен-
номъ семъ,
Хладитъ посредствомъораждъ тон-
чайшимъ питїемъ. —

Пить чашу горькую болѣзнь насъ заставляетъ,
Но горькимъ питїемъ симъ тѣло изцѣляетъ.
Еще находится такая сущность въ насъ,
Котора бодрствуетъ надъ нами каждый часъ;
Которая дѣла, поступки испытуетъ,
Добро цѣнитъ добромъ, пороки наказуетъ.
Она есть истинный дѣянїй судїя,
И истиненъ всегда пребудетъ гласъ ея.
Намъ небо въ совѣсти законы предписало,
Оно естественны права въ ней начертало;
Оно открыло намъ порока гнусный видъ,
И слѣдствїе его — раскаянїе, стыдъ.

Порочный, подлый духъ въ слѣпыя вдавшись страсти,
Ввергаетъ самъ себя въ погибель и напасти; —
Увы! насъ грѣхъ готовъ самихъ въ адъ превращать,
Но — мы и тутъ его не хощемъ избѣгать,
Мы приготовившись въ путь къ бурямъ и сраженью,
Что нужно получивъ сей жизни къ сохраненью,
Въ пространный міра плыть пустились океанъ,
Гдѣ каждому изъ насъ различный жребій данъ,
Гдѣ каждый надѣленъ орудіями къ щастью,
Никто не позабытъ, и всякъ владѣетъ частью.
Хотя находится различіе въ душѣ —
Въ умѣ — но оному завидуемъ вотще!

То къ щастью нашему всевышній
Богъ устроилъ,
Что быть различїю такому соизво-
лилъ.
Натура, коя есть источникъ, мать
добра,
Рождаетъ болѣе желѣза — не
сребра.
Какую бъ мудрецы намъ пользу
приносили,
Когда бъ они одни повсюду въ цар-
ствѣ жили?
Различны древеса, различны и
цвѣты:
Различны знанїя, различны и
плоды.
Здѣсь каждый человѣкъ то мѣсто
занимаетъ,
Которое Творецъ ему опредѣляетъ.
Высокомѣрный духъ гордящїйся
собой,
Обманутъ будучи премѣнною судь-
бой,

Спѣшитъ ко щастїю отечества по
праву,
Дабы чрезъ то обрѣсть достоин-
ство и славу.
Тамъ низкїй умъ среди несносныхъ
жаркихъ дней,
Весь въ потѣ и пыли сбираетъ
хлѣбъ съ полей,
Во весь трудится день и отдыху
не знаетъ,
Но знатному всегда онъ пищу до-
ставляетъ.
А здѣсь мудрецъ въ нощи, съ воз-
женною свѣщой,
Вещей познанїемъ занявши разумъ
свой,
Сидитъ задумавшись, и въ то
онъ проникаетъ,
Что существуетъ въ насъ, что
мыслитъ, разсуждаетъ.
Рачительная мать и вѣрная жена,
Хоть просвѣщенїемъ не столь ода-
рена,

Но также съ пользою домами управляетъ,
И государству чадъ воспитанныхъ вручаетъ.

Хотя различны Богъ дары на насъ излилъ;
Но всякой нужное для жизни получилъ.
Нѣтъ ни единаго, кому бы гласъ врожденный
Не изрекалъ свой судъ, судъ правый, непремѣнный,
Когда оставивъ путь ведущїй къ небесамъ,
Работаетъ грѣху и пагубнымъ страстямъ.
На снѣжныхъ берегахъ живущїе Гуроны (*),
Природы чувствуютъ не ложные законы,

(*) Гуроны прежде жили въ сѣверной Америкѣ при озерѣ Митхиганъ называемомъ.

И самый Готтентотъ, на Югѣ что живетъ,
Естественный свой долгъ и право познаетъ.

Пѣснь третія.

Святая истинна, свидѣтельница дѣлъ,
Которыя отъ вѣкъ Содѣтель произвелъ!
Открой намъ таинство не познанно умами;
Кто сдѣлалъ Ангеловъ Всевышнему врагами?
Кто наше щастіе въ погибель превратилъ?
Кто поднебесную порокомъ отравилъ?
Какою человѣкъ былъ изнуренъ войною?
Какую люту брань имѣлъ съ самимъ собою?

О истинна! съ небесъ сїе ты намъ внуши,
И простїю моей событїе пиши.
Не одинаково паденье Ангелъ было:
Различїе чиновъ различны рвы изрыло,
Въ которые они низвергнулись съ небесъ,
Лишь только гордый свой Луцитферъ рогъ вознесъ.
Паденье съ горняго, превыспренняго мїра,
Какъ изваяннаго разбило ихъ кумира.
Ихъ очи омрачилъ естественный ихъ светъ:
Такъ солнцу лунный кругъ затмѣнїе даетъ.
Хоть вящшей славою предъ прочими блистали,
На ограниченность однакъ негодовали:

Превыше всяческихъ быть вздумали границъ;
Гордиться начали своихъ сіяньемъ лицъ.
Святъ, святъ, святъ Богъ! они съ другими не взывали,
Но сами Богомъ быть упорно возмечтали;
Ожесточились ихъ надменныя сердца;
Возненавидѣли, пренебрегли Творца.
Хоть первые они по Богѣ въ небѣ были,
Но злостію своей любви Его платили.
Нѣтъ страха Божія, любви къ Нему тамъ нѣтъ,
Высокомѣріе гдѣ власть свою беретъ.
Такъ Ангеловъ соборъ отъ Бога уклонился,
Какъ отъ источника потокъ водный отлился,

Отъ солнца какъ отпалъ сїяющїй
лучь дня,
На поднебесную нощный покровъ
гоня.
Уничиженный мракъ въ своемъ
узрѣли свѣтѣ:
Любви жаръ охладѣлъ къ добру въ
ихъ самомъ лѣтѣ;
Въ нихъ зло родилося, — родили
сами зло,
И оное въ сердцахъ ихъ ядъ про-
извело;
Неудовольствїе душей ихъ овла-
дало,
И къ Богу ненависть тѣмъ болѣе
питало.
Не благо, гибель тамъ, гдѣ на-
слажденья нѣтъ.
Совсѣмъ — совсѣмъ померклъ у нихъ
разсудка свѣтъ;
Въ ихъ самомъ существѣ уже из-
чезла радость,
Фїаломъ горести ихъ разтворилась
сладость.

Отмщенїй Богъ мятежъ сей строго наказалъ,
Въ срамъ гордость превратилъ — нещастливымъ Духъ сталъ:
Безсмертный, вѣчный Духъ подверженъ вѣчной смерти,
И Господа во вѣкъ не можетъ онъ узрѣти.
Коль духи зло избравъ, что благу предпочли,
И злыя слѣдствїя отъ зла произошли.
Ихъ сокрушенїе имъ пользы не приноситъ;
Хоть падшїй каетcя, прощенїя не проситъ;
Отчаявается спасенье получить;
Безъ силы злобствуетъ — не сильно зло разитъ. —
Но вѣрны Ангели хранящїе законы
Не узрятъ своего веселїя препоны;

Предъ Богомъ выну суть, въ Немъ
обрѣтаютъ рай,
Богъ имъ начало есть, Богъ имъ
послѣднїй край.
У нихъ безъ нощи день — тамъ
свѣтъ не угасаетъ,
Гдѣ Божїй свѣтъ умы и души
озаряетъ.
Отъ непрїятнаго они удалены,
И въ храмъ — въ нетлѣнный храмъ
блаженства введены.
Не долу зрятъ они, горѣ умъ воз-
вышаютъ,
Тѣмъ Божество Творца яснѣе по-
стигаютъ.
Ихъ удовольствїе — въ желанїи
самомъ,
Желанїе же ихъ — въ довольствїи
одномъ.
Они питаютъ духъ свой непри-
ступнымъ свѣтомъ,
А сердце сладостью — довольны
симъ предметомъ.

Зло ядотворное, ДуховЪ умаливЪ чинЪ,
Разлило по земли не свѣтЪ, но мракЪ единЪ.
АдамовЪ родЪ не могЪ ему сопротивляться,
И не противясь сталЪ ему повиноваться.
Кругообразный мiрЪ сЪ улыбкой умЪ срѣталЪ,
ПлѣнивЪ, очаровавЪ, кЪ себѣ все привлекалЪ.
ТрудЪ сЪ добродѣтелью былЪ предпочтенЪ забавамЪ,
А важность честная злымЪ уступила нравамЪ.
Душа незыблемый свой колебаетЪ тронЪ,
РаботаетЪ грѣху, прiявши зла законЪ;
ВЪ покоѣ нѣжится, вЪ весельи утопаетЪ,
И добродѣтели тѣмЪ силу умаляетЪ:

Но тѣло съ чувствами надъ нами
власть берутъ,
И къ наслажденiямъ погибельнымъ
влекутъ.
Зло на себя надѣвъ прiятную личину,
Удобнѣе грѣшить тѣмъ подаетъ
причину.
При наслажденiи лѣнимся размышлять,
А ощущенiе мы не хотимъ познать.
Все, что предѣлами отвсюду окруженно,
И не было и быть не можетъ совершенно;
Отъ заблужденiя вселилося въ насъ
зло,
Оно надъ разумомъ владычество
нашло;
Возникли склонности, и власть
свою прiяли,
И какъ пружиною душею управляли.

Тутъ средство жизнь хранить пре-
обратилось въ ядъ;
А тѣло для души содѣлалося адъ.
Забыли цѣль свою влеченія природы:
Ко временнымъ вещамъ склонилися
народы;
Небесны существа, какихъ насъ
создалъ Богъ,
Забыли истинный, блаженнѣйшій
свой рогъ;
Изящная любовь неслась къ утѣ-
хамъ бреннымъ,
И вождел ѣніямъ подверглась запре-
щеннымъ.
Здѣсь ненависть владѣть сердцами
начала,
И къ горестной враждѣ злой по-
водъ подала;
Тутъ честолюбіе главу свою подъ-
яло,
Духъ, мысли и сердца у смерт-
ныхъ напыщало.

Хоть внутренній судья препоны
положилъ
Распростираться злу — его не из-
требилъ;
Уста, исполненны противнаго у-
ченья,
Поправши совѣсть, умъ, преслу-
шали велѣнья;
Хотя и вздумали пороки осмѣять,
Но не хотѣли ихъ теченье удер-
жать.
Порочны люди всѣ: собой сіе всякъ
знаетъ;
На оба зло міры ядъ свой распро-
стираетъ.
Гдѣ лишь владычество имѣетъ
человѣкъ,
Тамъ сластолюбіе, тамъ честь и
злата блескъ,
И наконецъ все то, что сердце
развращаетъ,
Когда предметовъ сихъ достиг-
нуть возжелаетъ:

Притворство здѣсь, обманъ, здѣсь
ненависть, вражда,
Здѣсь зависть съ злобою, презрѣнье,
клевета,
Здѣсь легкомысленной невинности
прельщенье,
Здѣсь чреву жадному постыдное
служенье,
Здѣсь жадность къ суетѣ и къ
праздности любовь,
Котора нѣжитъ насъ, но — повре-
ждаетъ кровь —
Здѣсь всѣ чудовищи, владѣя всѣхъ
сердцами,
Терзаютъ оныя какъ львиными
когтями.
Внутрь совѣсть усыпивъ, отгнавъ
отъ сердца стыдъ,
Сіи чудовищи пріемлютъ разный
видъ:
Одни вздѣвъ на чело лукавствія
личину,
Являютъ честности изъ подъ нея
картину;

Другіе чрезъ обманъ, чрезъ буйство, ковъ, чрезъ лесть
Приводятъ слабость въ страхъ, являя злобну месть.
Ни чѣмъ, ни временемъ, ни нравами народа —
Ни чѣмъ премѣнена не можетъ быть Природа;
Вездѣ прозрачные источники текутъ,
Но премѣняется единъ ихъ токмо путь.
Вотще иной народъ въ безумствѣ утопаетъ,
Свое невѣжество невинностью считаетъ!
Не столько устарѣлъ еще въ немъ корень золъ,
Не столько глубоко еще низпалъ онъ въ долъ;
Лапландцы — что среди горъ льдяныхъ обитаютъ,
Гдѣ солнечны лучи жаръ слабый изливаютъ,

И къ сластолюбїю тѣмъ прегражлаютъ путь —
Усердные рабы пороковъ также суть;
Они не тщательны, безпечны, намъ подобны (*),
Лѣнивы, суетны, зависливы и злобны,
Къ корыстолюбїю имѣютъ склонный нравъ,
И свойственныхъ скотамъ исполнены забавъ.
Не всель одно, жиръ рыбъ, иль злато, что блистаетъ,
Въ насъ смертоносную вражду и страхъ рождаетъ?
Отъ добродѣтели далеко кто бѣжитъ,
Къ благополучїю путь отъ того сокрытъ.

(*) Смотри Гогштремово описанїе.

Законы, должности, уставленны
отЪ Бога,
Ко щастїю людей суть первая дорога;
ДухЪ, сердце, гдѣ порокЪ господствуетЪ всегда,
Любви кЪ себѣ имѣть не можетЪ никогда.
Извнѣ веселїе и радость не втекаютЪ,
Когда вЪ насЪ внутренность злы
Фурїи терзаютЪ.
Тогда унынїе вЪ насЪ жить уже
начнетЪ;
Когда нашЪ духЪ мїрскихЪ упившися суетЪ,
СвященныхЪ, истинныхЪ потребностей лишится —
Когда вЪ дѣянїяхЪ благихЪ остановится.
Сокровищи земли тѣлесны блага
суть,
И кЪ роскоши они намЪ отверзаютЪ путь;

Но мудрый человѣкъ, бывъ посреди напасти,
Въ сихъ благахъ никакой имѣть не хощетъ части;
Онъ утомляется, на сей взирая свѣтъ;
При ложныхъ благахъ сихъ, какъ средь степи живетъ.
Кто въ полномъ щастіи свои дни провождаетъ,
И тотъ въ семъ мірѣ все ничтожнымъ почитаетъ.
Вотще судьба дары намъ щедрой льетъ рукой:
Филипповъ сынъ снискалъ весь міръ — а не покой.
Безумный человѣкъ мысль къ щастью устремляетъ,
Никая цѣль пути его не претыкаетъ;
Гдѣ думалъ кончить онъ, тамъ начинаетъ вновь,
И въ самомъ щастіи онъ скученъ и суровъ.

Тогда со златомъ честь въ почтенiи бываетъ,
Коль преимущество имъ цѣну сообщаетъ.
Природа вѣчности всѣмъ благамъ не дала,
Премѣннымъ, тлѣннымъ все во свѣтъ произвела;
Когда судьбой гонимъ стенетъ, мятется ближнiй,
Когда въ мученiи клянетъ своей дни жизни:
То бѣдствiемъ его вознесшися другой,
Не внемля страждущу, величитъ жребiй свой.
Тотъ съ Марсовыхъ полей грядетъ въ вѣнкахъ лавровыхъ,
Кто бывъ не поврежденъ отъ злобныхъ стрѣлъ громовыхъ;
Кто ко отечеству храня свою любовь,
Изъ тысящи себѣ подобныхъ пролилъ кровь.

А бѣдность поселянъ, скорбь коихъ
угнѣтаетъ,
Лишь токмо одному богатство до-
ставляетъ.
Любовникъ щастливый небесный
чтетъ за даръ,
Коль отъ возлюбленной взаимный
слышитъ жаръ;
Но солюбовниковъ сей жаръ оже-
сточаетъ,
И ихъ въ несносное мученїе ввер-
гаетъ.
Для ложныхъ въ мїрѣ благъ
сражаемся мы сихъ:
И не достоинство, иль цѣль пря-
мая ихъ,
Но ревность лишь одна умы въ
насъ воспаляетъ,
Она единая младенцамъ насъ рав-
няетъ,
Которы за ничто дерутся межъ
собой,
Которые всегда имѣютъ споръ
пустой.

Побѣда одного къ другому переходитъ,
А побѣдитель въ грусть, въ тоску того приводитъ,
Кто при сраженїи ему соревновалъ,
Кто на своей странѣ зрѣть верьхъ въ побѣдахъ ждалъ.
Никто въ душѣ своей не чувствуетъ забавы;
Во всѣхъ сердца грызетъ тоска, какъ змїй лукавый.
Имѣя вѣчную ко тлѣнностямъ любовь,
Потѣемъ мы, скорбимъ и проливаемъ кровь;
Ни мало не щадивъ, мы погубляемъ время,
И вмѣсто щастїя — одно находимъ бремя.
Для удовольствїй гдѣ сооружали храмъ,
Насъ истинное зло срѣтаетъ часто тамъ;

Сердца пронзаетъ въ насъ всегда змiино жало,
Мы часто скиптръ клянемъ, подобно какъ орало.
Страхъ, оный мразъ души; какъ огнь палящiй, гнѣвъ;
И безъ могущества драконовъ мстящiй зѣвъ;
Огнь нетерпѣнiя; утѣхъ цѣна драгая;
Ревнивость, коя бдитъ спокойствiя не зная;
Скорбь; бремя праздности; терзанiе въ любви;
Неудовольствiе; волненiе въ крови —
Соломенныхъ сiе все крововъ убѣгаетъ,
И въ гордыхъ высотой чертогахъ обитаетъ.
Еще всѣхъ болѣе терзаетъ совѣсть насъ.
Мы чувствуя въ себѣ ея ужасный гласъ,

Въ душѣ своей никакъ не можемъ
зрѣть спокойства,
Но повсегда отъ ней исполнены
разстройства;
Ни власть, ни вѣчное забвенїе
Творца,
Не можетъ свободить отъ язвъ ея
сердца.
Гласъ страшный совѣсти повсюду
проницаетъ,
И Царскихъ даже онъ чертоговъ
достигаетъ:
Одѣтый пурпуромъ Октавїинъ су-
пругъ
Имѣетъ роптный волнующїйся
духъ,
И — сколь ни силится среди глу-
бокой ночи
Десницею своей закрыть отъ стра-
ха очи —
Отверсты челюсти онъ видитъ
вѣчныхъ мукъ
За беззаконїя отъ злобныхъ ад-
скихъ рукъ.

Всѣхъ тварей чувственныхъ
прекраснѣйшее тѣло,
То, въ коемъ прежде зло и мѣста
не имѣло,
Послѣдуя душѣ, по тѣсной связи
съ ней,
Премѣну чувствуетъ въ невинно-
сти своей.
Творцева образа досе лѣ бывъ до-
стойно,
И совершенствуя само въ себѣ спо-
койно,
Безсмертнымъ зрѣлося тѣлесно
существо;
Единство было щитъ, невинность
врачевство.
Почти, или совсѣмъ бывъ до сего
безсмертно,
Блаженства было лишь участнымъ
не навѣтно.
Со дней паденїя часовая стрѣла
По кругу времяни путь скорый
обрѣла;

Стремленіе людей къ убійству имъ подобныхъ
Нашло руду въ поляхъ, горахъ металлородныхъ,
Чтобы краткой жизни срокъ сугубо сократить,
И населенный міръ въ пустыню обратить;
Смерть, скорбь, болѣзнь изъ нѣдръ глубокихъ изрываютъ,
Превозятъ чрезъ моря и въ грады сообщаютъ.
Роскошная рука изъ многихъ сладкихъ яствъ
Готовящая снѣдь для чувственныхъ пріятствъ,
Не снѣдь готовитъ, ядъ для тѣла вредоносный,
Для самыхъ здравыхъ силъ ядъ злѣйшій и несносный.
Житейскихъ червь заботъ, невидимо таясь,
Изсасываетъ сокъ цѣлительный изъ насъ;

Тотъ огнь, Венера что мгновенно
вспламеняетъ,
Состава нашего всѣ силы разто-
чаетъ:
Истлѣвъ, и къ старости приспѣв-
ши сей составъ,
Страдаетъ, мучится, блаженство
потерявъ,
Потомъ ко древнему спокойству
поспѣшаетъ,
И въ мрачный гробъ себя охотно
повергаетъ.

Духъ, удалившійся отъ пре-
лестей земныхъ,
Преставъ во мракѣ быть — пре-
ставъ быть жертвой ихъ,
Вступаетъ въ новый міръ — вдругъ
отверзаетъ очи,
И видитъ царство тамъ мрачнѣе
черной ночи —
Объемлетъ страхъ его — не дви-
жется — молчитъ,
На образъ гнусности лишь своея
глядитъ.

Честь, сластолюбїе, мечты, сребро, забавы,
Которыхъ слушалъ онъ вседневные уставы,
Блужденье, слѣпота въ умѣ, притворный стыдъ,
На кои пе́рся онъ на твердый яко щитъ,
Ученїе, чины — его все оставляетъ —
Едино чувство въ немъ лишенья обитаетъ.
Что онъ любилъ, ему то кажетъ гнусный видъ;
Что прежде презиралъ, то нынѣ важнымъ чтитъ.
За каждый въ жизни часъ, кой осрамлялъ грѣхами,
Онъ заплатилъ бы здѣсь страданїя лѣтами,
Когда бы паки могъ въ жизнь прежнюю вступить,
И драгоцѣнную потерю возвратить.

Святая истинна бывъ въ мірѣ заглушенна,
Въ пустынѣ сей отъ всѣхъ сомнѣній очищенна,
Отвсюду мещетъ свой величественный свѣтъ,
И въ ужасы его геенскія влечетъ.
То благо, коимъ онъ пренебрегалъ, гнушался,
То зло, къ которому доселѣ прилѣплялся,
Представившись предъ нимъ погибелью грозятъ,
И горькимъ пламенемъ раскаянья палятъ.
Нещастія его, страданья безконечны;
Онъ есть и мучимый и самъ мучитель вѣчный. —
О! сколь по истиннѣ родъ смертныхъ тѣхъ блаженъ,
Кой міромъ будучи осмѣянъ и презрѣнъ,

Стараешся занять свой разумЪ не
мечтами,
Но размышленія достойными ве-
щами,
И полагаяся на внутренній свой
гласЪ —
Для пользы нашей же зовущій кЪ
страху насЪ —
Хранить его уставЪ за свято по-
читаетЪ,
И должности свои прилѣжно ис-
полняетЪ!
Пусть поношеніе, пусть міръ и
ревЪ страстей,
Пусть бѣдность самая здѣсь тяго-
титЪ людей;
Но сколь же нѣкогда пріятно пре-
мѣнишся
ИхЪ горькая судьба, какЪ чистый
свѣтЪ явишся;
Когда ихЪ будетЪ духЪ доволенЪ
самЪ собой;
Страданія прейдутЪ во сладость
и покой,

И бывши въ тишинѣ, и прилѣпяся къ Богу,
Ко благу вѣчному прїобрѣтутъ дорогу!
Но между тѣмъ сей мїръ есть собственностью зла —
Увы! къ тому ль его Премудрость воззвала? —
Благополучїе насъ рѣдко посѣщаетъ:
Единъ изъ тысящи его здѣсь достигаетъ.
Во благѣ временномъ спокойство не живетъ:
Оно лишь скорбь одна — въ немъ совершенсшва нѣтъ. —
Великїй Егова, на облакахъ носимый,
Исполненъ милости и въ правдѣ всюду зримый!
Дерзнетъ ли вопросить творенїе Тебя,
Какъ можешь Ты взирать на муки насъ любя?

Уже ли бѣдность чадъ Твоихъ Тебѣ прїятна?
Ужель слеза Тебѣ, молитва ихъ не внятна?
Ужель любовь Твоя была истощена?..
Ужель могущая десница не сильна?..
Но естьли оный мїръ не могъ быть свобожденъ
Никакъ отъ зла сего — почтожъ онъ сотворенъ?
Почто, о Боже! Ты небытїе прервалъ,
И къ лютой горести, къ мученью насъ воззвалъ?...
Сокрыты благости Твоей пути, сокрыты;
Не можно ихъ познать — мы слѣпотой покрыты.
И такъ дерзнетъ ли умъ, по слабости своей,
Тебя, Богъ! порицать въ премудрости Твоей?

Нѣтъ! можетъ быть, что лучь сїяющїй отъ вѣка —
Лучь самой истинны очиститъ человѣка;
И можетъ быть — когда преобразимся мы —
Она насъ изведетъ изъ горестныя тьмы,
И по страданїи — здѣсь кое ощущаемъ —
Сколь близокъ къ намъ Господь, сколь милосердъ, познаемъ.
Вкусивши горькїе пороковъ сихъ плоды,
И усмотрѣвши къ нимъ опасные слѣды,
Врагами наконецъ мы оныхъ учинимся,
И къ совершенному добру всѣ обратимся.
Богъ къ нашей можетъ быть преклонится мольбѣ,
И привлечетъ насъ всѣхъ въ объятїя къ Себѣ;

Найдемъ блаженство въ Немъ,
любви Его вверяясь,
И будетъ все во всемъ Единымъ
управляясь.
Хоть правосуденъ Богъ, но
вмѣстѣ Онъ и благъ:
Не хощетъ быти намъ въ мучені и — бѣдахъ;
Онъ смерти грѣшника не терпитъ,
не желаетъ,
И тлѣнье мертвое въ животъ преобращаетъ.
Быть можетъ — щастіе избраннѣйшихъ отъ вѣкъ
Замѣной есть тому, что терпитъ
человѣкъ.
Нашъ міръ когда сравнимъ со всею
глубиною,
То будетъ онъ ничто, какъ каплею водною;
И онъ-то, можетъ быть, такъ
Богомъ сотворенъ,
Чтобъ былъ отчизной зла, и превращался въ тлѣнъ.

Сіи плывущія по воздуху громады,
Неизчислимыя возженныя лампады
Столицей могутъ быть священ-
нѣйшихъ Духовъ,
Гдѣ царствуетъ добро, какъ без-
дны здѣсь грѣховъ.
Сей малый въ мірѣ пунктъ, тва-
рями населенной,
Ко совершенству есть удобенъ всей
вселенной.
За всю вселенную едину часть
принявъ,
Пространства же ея умами не по-
знавъ,
Сей зримый нами міръ отъ про-
чихъ отдѣляемъ,
А такъ отъ точки лишь о цѣ-
ломъ заключаемъ.
Спаситель, Царь и Богъ чрез-
мѣрно любитъ насъ;
Кто свой составъ позналъ, о смер-
тные! изъ васъ?

Чего недостаетъ въ немъ для
увеселенья,
Для нашихъ выгодъ, нуждъ и на-
слажденья?
Смотрите въ силахъ связь, согласїе
и строй,
Какъ каждый членъ спѣшитъ отъ
должности къ другой;
Какъ дѣйствуетъ языкъ, какъ
мысли изъясняетъ,
И внутренность въ себя какъ воз-
духъ принимаетъ;
Какъ кажда тѣла часть печется
въ насъ самихъ
Не токмо о себѣ, но также о дру-
гихъ;
Какъ сердце нѣжное отъ мозга духъ
прїемлетъ,
А мозгъ невидимо отъ сердца кровь
заемлетъ.
Въ самой вселенной сей такая связь
и строй,
Что кажда вещь нужна для бытїя
другой.

Круготеченїе въ насъ силы оживляетъ,
Хранитъ отъ гнилости и бодрость сообщаетъ.
Негодные пары, тающїеся въ насъ,
Сквозь малы скважинки изходятъ каждый часъ,
И словомъ: зданїе всей внутренности нашей
Должно быть образцемъ науки высочайшей.
Но тѣло, оное вмѣстилище червей,
Богъ можетъ ли сравнить съ безсмертною душей?
И можетъ ли его, со всею красотою,
Великолѣпїемъ и чудной лѣпотою,
Возвысить такъ, чтобъ духъ въ злощастїи страдалъ,
А сей прахъ благо бы и щастье ощущалъ?...

Нѣтъ, Боже мой! вездѣ Ты въ
благости намъ явенъ;
Вездѣ Ты въ милостяхъ, великъ и
препрославленъ;
Вся твердь небесъ, земли, вся
тварь Тебя поетъ,
Являя на себѣ любовь Твою и свѣтъ.
Та благость, кою вранъ и каждый
червь пріемлетъ,
Та благость и людей конечно не
отвергнетъ.
Коль въ маломъ Ты великъ тво-
реніи Своемъ,
То какъ же мы Тебя въ великомъ
наречемъ?
Неблагодарный рабъ сего не пони-
маетъ,
И сомнѣваться въ семъ единъ лишь
онъ дерзаетъ.
Твори же, Господи! угодно что
Тебѣ,
Твори и управляй, объемля все въ
Себѣ:

ЗаконЪ Твой праведенЪ, и воля совершенна;
ОтЪ мудрости Твоей неправда удаленна;
Погрѣшностей вЪ Тебѣ, ошибокЪ нѣтЪ совсѣмЪ;
ОтЪ вѣка силенЪ Ты и совершенЪ во всемЪ.
Когда нашЪ слабый духЪ усиленный грѣхами,
Скрыжаль своей судьбы увидитЪ предЪ очами;
Когда Твой узримЪ свѣтЪ вЪ обителяхЪ святыхЪ;
Когда покажешь намЪ причины дѣлЪ ТвоихЪ:
Тогда, о Боже нашЪ! всѣ истинну познаютЪ,
Поклонятся Тебѣ, Тебя облобызаютЪ;
Позна́ютЪ Твой совѣтЪ, и узрятЪ наконецЪ,
Сколь правосуденЪ, благЪ, премудрЪ и святЪ ТворецЪ!

КонецЪ.

6862.
1889.

